

1918 ГОД. БОРЬБА С ГОЛОДОМ В СЕБЕЖСКОМ УЕЗДЕ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО ДОКУМЕНТАМ ОТДЕЛЕНИЯ ГКУ ПО «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ» В Г. ВЕЛИКИЕ ЛУКИ)

Г.Т. Трофимова

*Великие Луки, Великолукская государственная академия физической культуры
и спорта*

Современный Себежский район Псковской области до очередного территориального деления 1924 г. в СССР входил в состав Витебской губернии бывшей Российской империи. С образованием Великолукской области 22 августа 1944 г. и организацией Государственного архива Великолукской области с его последующими реорганизациями [1, с.144 – 145] документы бывшего Себежского уезда 20-х годов прошлого столетия были переданы в Великие Луки. В настоящее время в Отделении ГКУ ПО «Государственный архив Псковской области в г. Великие Луки хранятся два уникальных фонда, где находятся документы Себежского уездного совдепа 1917-1924 гг. и Себежской таможни.

Данная статья посвящается некоторым страницам истории тех далёких трагических дней, которые выпали на долю себежан.

Самый ужасный год в России, – писал Михаил Булгаков, – 1918. Такими же ужасными были дни этого года и для жителей Себежского уезда, который в то время входил в состав Витебской губернии. С конца февраля – начала марта 1918 г. уезд оказался в зоне боевых действий. Окопы и проволочные заграждения разделили уезд на две части: советскую и часть, оккупированную кайзеровскими войсками после срыва Брестского мира. Фронт и тыл разделила демаркационная линия. В уезде было объявлено военное положение [2, л. 237]. До ноября 1918 г. население уезда находилось под угрозой продвижения кайзеровских войск на советскую территорию. Продолжающаяся война на германском фронте, декреты советской власти о национализации, продовольственной развёрстке, политике военного коммунизма привели к полному развалу экономики. Население Себежского уезда оказалось между двух огней: с одной стороны, демаркационная линия, которая прошла по крестьянским полям окопами, проволочными заграждениями, с другой – тяжелейшая угроза голода. Бедняки оказались вообще без какого-либо продовольствия, а у середняка оставленное для посева зерно было изъято. Особенно страдала деревня. Себежские крестьяне теперь уже не могли прокормить не только огромную массу беженцев, возвращающихся по домам солдат старой царской армии и военнопленных, скапливающихся на ст. Себеж, красноармейские части и партизанские отряды, но и самих себя. Голод стал тяжелейшей угрозой жизни сотен и сотен жителей уезда, угрозой и существованию новой власти. В Себеже и уезде расцвела контрабанда хлебом; продукты и товары первой необходимости заполнили чёрного рынка.

«Продовольственный вопрос в Себежском уезде находится в самом критическом положении», – отмечалось в протоколе заседания Себежского уисполкома 21 января 1918 г. [3, л.1-1об.]. На одном из заседаний уисполкома отмечалось, «...что Себеж является пограничным пунктом... На станции Себеж ежедневно находится тысячная толпа голодных военнопленных и беженцев, а потому...необходимо устроить при ст. Себеж питательный пункт и просить губернскую продовольственную управу при разверстке продовольствия на уезды выделять таковое и на беженский продовольственный пункт...» [4, л. 61]. На протяжении всего 1918 г. продовольственная проблема поднималась практически на каждом заседании уездного совдепа. Вот заявление председателя продовольственной секции К. Никоненка: «Продо-

вольственный вопрос у нас самый животрепещущий, от которого зависит и наше будущее, и наша революция. Для нашей Витебской губернии продовольственный вопрос с каждым днём обостряется...В нашем Себежском уезде своего хлеба очень мало, да и те скудные запасы поедаются красноармейскими частями и пограничной охраной» [5, л.127-127 об.]. Осознавая сложность создавшейся ситуации, 28 января 1918 г. на очередном заседании Себежского уездного съезда совдепа отмечалось, что продовольственный вопрос в уезде «находится в самом критическом положении, и что если не принять решительных мер к заботе о продовольствии, то голодная смерть неизбежна в скором времени» [6, л. 1-1 об.].

Выступающие на съезде делегаты предлагали принять самые решительные меры по борьбе с надвигающейся угрозой голода в уезде: учесть весь хлеб и картофель, который ещё оставался в крестьянских хозяйствах и разделить его среди нуждающихся; направить в Губернскую продовольственную секцию представителя от уезда и потребовать справедливой разверстки на продовольствие и хлеб; просить волостные советы взять от каждого едока...по 2 фунта хлеба в месяц, кто имеет таковой, с расчётом, чтобы один фунт хлеба оставался в волости для неимущего населения, а другой вносить в уездную продовольственную секцию для неимущего населения города; отменить монополию на хлеб и предоставить право свободной торговли хлебом и продовольствием. Обсуждался вопрос и о доставке хлеба с юга [7, л. 2-2об.]. Продовольственная проблема осложнялась ещё топливным кризисом и безработицей среди возвращавшихся с германского фронта солдат [8, л. 31об.]. Почувев лёгкую добычу, в уезд устремились разного рода аферисты, предлагавшие «вагоны» хлеба и продовольствия, что заставило уисполком обратиться к населению волостей «...с воззванием не верить шантажистам и всяким тёмным лицам, шатающимся в пределах волости, арестовывать и передавать в руки власти» [9, л. 59-59об.].

К весне 1918 г. в уезде на борьбу с голодом были использованы и семена. Засеять поля было нечем. На просьбы, обращенные к властям на всех уровнях, себежане получали один ответ: «Хлеба нет, изыскивайте его своими силами».

Получив в очередной раз отказ от всех вышестоящих организаций о помощи, себежани решили самостоятельно закупать хлеб в других губерниях. С этой целью члены Себежского уездного исполнительного комитета тт. Трусов, Загачин и Шмарыго были командированы в Витебский губернский продовольственный отдел, чтобы выяснить, где это можно сделать. Естественно, губернский продовольственный отдел ничем не смог помочь нуждающимся в хлебе землякам. Южные районы республики, в которые себежанам были выделены наряды на получение семенного зерна, были охвачены Гражданской войной и бесчинствующими бандами, и тогда члены Себежского уисполкома получили совет направиться в Сибирь, богатую хлебом, и закупить его там. С этого момента начинается невероятная сибирская одиссея наших земляков, которая представлена в уникальных архивных документах, к счастью, сохранившихся до нашего времени. В трёх документах, которые недавно введены нами в научный оборот, описывается вся трагическая и героическая командировка себежских членов уездного исполкома.

Получив информацию о возможности закупить хлеб в Сибири, 13 марта 1918 г. себежане письменно извещают об этом руководство уезда. Приведём полностью содержания письма (при цитировании сохраняем стиль документа): «Товарищи! После долгих мытарств в губернском продовольственном отделе мы, наконец, получили нужные документы и завтра уезжаем в далёкую Сибирь, в Тобольск. По приезде в Витебск, когда выяснилось, что в отдалённые губернии ехать нельзя, т.к. немецко-украинские банды обложили Харьков, перед нами, как перед

всеми голодающими местностями Великооруссии, предстал вопрос: «Что делать?» Мы после немногих размышлений решили ехать хоть на край света, но лишь бы не с пустыми руками. Из бесед с ответственными руководителями губернского продовольственного отдела выяснили, что надежда всей советской республики – это Сибирь и преимущественно отдалённые её губернии Тобольск, Енисейск и др. В Тобольске согласно полученной телеграммы из Комиссариата продовольствия имеется для Витебской губернии 150 вагонов зернового хлеба. Вот почему, невзирая на дальность и трудность пути, мы все же едем туда. Всё то количество хлеба, которое нам удастся закупить там для Витебска, попадет и нам. Тов. Трусов получил от тов. Гуленко 49750 руб., что вместе с имевшимися деньгами составляет сумму в 89750 руб. Если по прибытии в Тобольск денег недостаточно, чтобы вывести весь хлеб, который сможет нам принадлежать, мы срочно телеграфируем и сообщим вам об этом, и мы надеемся, что сейчас же вышлите людей с деньгами к нам. Всё, зависящее от нас, безусловно, сделаем, чтобы успешно завершить нашу поездку. Вам же придётся принять самые решительные меры, чтобы весь хлеб, который будет нами вывезен, доставили бы вам. Мы видели случаи, когда из 10 вагонов, привезённых на ст. Витебск действительно хозяевами его, губернский продовольственный отдел уступает лишь 2 вагона. По нашим скромным подсчётам хлеб или зерно его, который нам удастся вывести из Тобольска, попадёт в Себеж не раньше 15 марта. В надежде на то, что семена безусловно будут получены, обратитесь к той части крестьянства, которой нечем засеять свои поля, с просьбой приготовить их для принятия зерна» [10, л. 176]. Одновременно с письмом депутатам Себежского уисполкома Л. Трусов и Н. Загачин направляют обращение к себежским крестьянам, которое уездные власти должны были опубликовать в местной газете «Себежские ведомости». В обращении писалось: «Товарищи крестьяне! Мы уезжаем в далёкую Сибирь, чтобы достать для нашего голодающего Себежского уезда семена и хлеб, обращаемся к вам с горячим призывом: Не падайте духом! Мы, ваши братья, не жалея сил, уезжаем за много тысяч вёрст от родного своего угла, чтобы только привести вам, своим братьям, хлеб и семена. Мы бросились в ближайшие губернии, как Харьковская, Полтавская, но проклятый враг наш, немецкий и украинский буржуй, перегородил нам дорогу. Измученные, голодные, но мы не падаем духом, едем в Сибирь, где ещё всего много, хлеба, ржи, ячменя, овса. Если враги нам не помешают, из одной Тобольской губернии мы сможем вывести 150 вагонов разного хлеба. Вам придется, быть может, засеять поля наименее обыкновенного. Но в этом горя мало. Лучше, чем всегда, вспашите и не тяните с обработкой, пока семена прибудут. Пусть семена застанут уже готовые поля. Не верьте злой молве, распространяемой врагами, что о ваших нуждах забыли, что о вас не думают. Верьте, товарищи, что [все силы] отдадим мы на то, чтобы сделать вас довольными. Наш вековой враг не дремлет. Со всех сторон лезут к нам звериные лапы, чтобы ущемить нас, раздавить, а для этого не брезгают и обманом. Везде слышны злые шипения, что вот теперь голодаете. Не верьте никому, знайте, что всякий говорящий так, ваш заклятый враг, которому нет пощады. Пережить только эти несколько тяжёлых месяцев, лучше всегдашнего вспахать и засеять поля и нивы, а там никто не будет нам страшен. Никто не посмеет посягнуть на завоёванную нами свободу!» [11, л. 177-178]. Под этим документом стоят две подписи: Леон Трусов и Николай Загачин, но в Сибирь по неизвестным нам причинам Загачин не поехал, вместо него Витебский продовольственный отдел посылает своего товарища Пчельникова.

К сожалению, к весеннему севу ни в Себеже, ни в Витебске сибирского зерна и хлеба не получили. В начале августа 1918 г. домой вернулся один Леон Трусов,

которому пришлось выступить с подробнейшим докладом о результатах этой весьма рискованной авантюры. В архиве г. Великие Луки хранится протокол заседания Себежского уездного исполнительного комитета рабочих, крестьянских, красноармейских и батрацких депутатов, на котором было заслушано сообщение т. Л. Трусова о том, что пришлось пережить нашим землякам в той далекой поездке. Эта протокольная запись настолько интересна, что передадим ход происходящих событий в хронологической последовательности.

Итак, себежанам и представителю Витебского губернского исполкома не удалось добраться до Тобольска, т.к. там уже хозяйничали колчаковцы. Доехали они только до Омска, который встретил посланцев далекой Витебской губернии весьма неприветливо. Сибирский краевой Совдеп отказался отпустить хлеб по удостоверениям Себежского уездного совдепа, т.к. последний не был включен в плановый наряд. Хлеб стали добывать неофициальным путём. О такой возможности себежанам сообщил представитель Тверского губкома. Их человек согласился помочь через известных ему лиц, за что потребовал 15000 руб. В ожидании нарядов себежане прожили в Омске несколько дней, а затем выехали на ст. Ново-Николаевскую, где должны были встретиться с агентами по продаже и отгрузке хлеба, а окончательный расчёт должен был произведен в Омске. Но агенты, которые обещали проинформировать отгрузку хлеба, так и не появились на станции. Вместо них явился новый агент, который пообещал отгрузить хлеб 10 мая, но и он вскоре исчез. Себежане оказались жертвами аферистов. Им не оставалось ничего кроме, как вновь вернуться в Омск и потребовать от так называемого «помощника» свои 15000 руб. Но и тут они ничего не добились и решили обратиться в Тверской губком с требованием привлечь к ответственности всех, кто был причастен к этой афере. Но пока тянулось это дело, и Омск оказался в руках колчаковцев. Начались обыски и аресты. У всех так называемых командированных изымали документы. Чтобы спасти свои деньги, Трусов спрятал их в обшивку стула, который находился в комнате, где остановились горекомандированные из далёкого Себежа. Сами же себежане были арестованы и доставлены в здание Омского кадетского корпуса, где их передали в руки пьяного казацкого есаула. На вопрос: «Кто они такие?» – себежане ответили: «Простые крестьяне». Есаул, сам из крестьян, отпустил наших горемык. Вернувшись на квартиру, где останавливались, они достали свои деньги, уничтожили советские документы и подали объявление в газету о том, что их документы пропали. Таков был порядок. Только после опубликования в газете Трусов и Шмарыго получили новые паспортные книжки и покинули Омск. Во избежание лишних неприятностей они перебрались в деревню, где закупили и отгрузили 16 вагонов хлеба от имени какой-то большой организации для западных губерний. Сопровождать закупленный хлеб остался Шмарыго. Выехать сразу он не смог, т.к. надо было ждать, когда откроется граница на Запад. Но был ли доставлен хлеб в Себеж, неизвестно. Архив не располагает подтверждающими этот факт документами. Трусов же 25 июля 1918 г. вновь возвращается в Омск, откуда выезжает на родину. Судьба третьего члена этой группы оказалась трагической. Тов. Пчельников, депутат Витебского совдепа, был арестован за революционную пропаганду против белогвардейцев Колчака и предан суду. Скорее всего, суд приговорил его к смертной казни. В докладе Трусова об этом ничего не говорится, т.к. себежанам не было известно решение суда.

На заседании Себежского исполкома, которое состоялось 10 августа 1918 года, доклад т. Трусова был выслушан с большим вниманием. Депутаты приняли решение оплатить Трусову все расходы, которые он понес, а сам докладчик обратился с заявлением «о сложении с себя полномочий члена Исполкома» [12, л. 117-117об.], что и было принято. Причины такого шага докладчик не объяснял, но скорее

всего это было связано или с теми переживаниями и трудностями, которые пришлось ему перенести в столь далёком и рискованном путешествии, или с тем, что себежские крестьяне так и не дождались обещанного для посева зерна, что подрывало авторитет новой власти в глазах местного населения. Как бы то ни было, Первая мировая война подходила к концу. В один прекрасный день себежские пограничники и командование красноармейских частей в районе демаркационной линии обнаружили, что противник в полной тишине, скрытно покинул линию фронта, оставив после себя вконец разоренную территорию. На очередном заседании Себежского уисполкома рабочих, крестьянский, солдатских и батрацких депутатов было объявлено, что 15 ноября 1918 г. с 12 часов дня в Себеже и Себежском уезде снимается военное положение [13, л. 142], но «продовольственный вопрос – вопрос самый жгучий и самый трудный остается и необходимо все имеющиеся силы бросить на это дело» [14, л. 121]. В связи с этим в уезде вводится монополия на хлеб, предпринимаются самые крайние меры против кулаков. Вводится учёт всего оставшегося в уезде хлеба и распределение его между всеми, не эксплуатирующими чужой труд. Большие надежды на преодоление голода на селе возлагаются на комитеты деревенской бедноты. Неимоверными усилиями всех сторон, заинтересованных в преодолении продовольственного кризиса в Витебской губернии и её уездах, к 1921 г. голод отступает, продовольственная проблем несколько смягчается.

Источники и литература

1. Псковская энциклопедия. – Псков, 2007. – С. 144-145.
2. Отделение ГКУ ПО «Государственный архив Псковской области» в г. Великие Луки (ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки). Ф. Р. -111. Декреты Совета народных комиссаров, циркуляры, инструкции Витебского губисполкома, постановления и резолюции 2-го съезда и переписка с ним. 11 января 1918 г. – 17 января 1918 г. Оп. 1. Д. 1 Л. 237
3. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки. Ф. Р.-111. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-1об.
4. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. 1. Д. 5. Л. 61.
5. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. 1. Д. 5. Л. 127-127об.
6. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-1об.
7. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. 1. Д. 8. Л. 2-2об.
8. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. 1. Д. 8. Л. 31об.
9. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. 1. Д. 8. Л. 59-59об.
10. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. Ф. Р. – 111. Оп. 1. Д.1 Л. 176.
11. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. Ф. Р. – 111. Оп. 1. Д. 1. Л. 177 – 178.
12. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. Ф. Р. – 111. Оп. 1. Д. 5. Л. 117-117об.
13. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. Ф. Р. – 111. Оп. 1. Д. 5. Л. 142.

ПРАФСАЮЗЫ ВІЦЕБСКА Ў РЭВАЛЮЦЫІ 1917-ГА

В.У. Акуневіч

Віцебск, УА ФПБ «Міжнародны ўніверсітэт “МІТСО”», Віцебскі філіял

Лютаяўская буржуазна-дэмакратычная рэвалюцыя, якая адбылася ва ўмовах усегульнага крызісу і першай сусветнай вайны аказалася няздольнай вырашыць наспеўшыя сацыяльна-эканамічныя, палітычныя і нацыянальныя праблемы. Наадварот, пагаршалася становішча з харчаваннем, раслі цэны на жыццёваабходныя прадукты, узмацнялася разруха на транспарце, у прамысловасці і сельскай гаспадарцы. Фабрыканты і заводчыкі намагаліся пераадолець крызіс за кошт рабочых. На фабрыках табачнай Калбаноўскіх і “Дзвіна”, сапожных майстэрнях і іншых прадпры-